

4253

С 17617

отъ алмога 18¹⁸/₂₉37.

С П 6 Г У

L. 4253.

Р О Ч Ъ

О

НЕОБХОДИМОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКАГО

ИЛИ

ФИЛОСОФСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ

ЛИТЕРАТУРЫ,

ПРОИЗВЕСЕННАЯ

**ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ ИМПЕРАТОРСКАГО
С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА 8 ОКТЯВРЯ**

1836 ГОДА

ЭКСТРАОРДИНАРНЫМЪ ПРОФЕССОРОМЪ

Александромъ Никитенко.

79566

Перечисл.
1950

(Изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія
1837 года, Маршь, № III.)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1837.

Проверка
2007

Лен. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

В П Р

0

ОТДЕЛЪ ПЕРВЫЙ

В П Р

ОТДЕЛЪ ПЕРВЫЙ

АНТЕПАВЫ

В П Р

В П Р

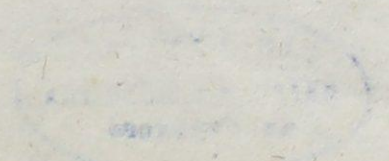
В П Р

В П Р

В П Р

В П Р

1857

Р Ъ Ч Ь

О НЕОБХОДИМОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКАГО ИЛИ ФИ-
ЛОСОФСКАГО ИЗСЛѢДОВАНІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Судьба Искусствъ была всегда предметомъ общаго вниманія среди народовъ просвѣщенныхъ. Нашъ вѣкъ, блистательнѣйшею частію своей славы обязанный практическому насроенію умовъ, глубоко проникнутъ важною истиною, что величайшая заслуга и пошество знанія состоитъ въ воспитаніи и укрѣпленіи зиждительныхъ силъ духа. Знаніе и Искусство спѣшатъ заключить тѣсный между собою союзъ. Такъ и должно быть. Человѣкъ, пріемля нѣкоторымъ образомъ спрдапельно въ свое сознаніе Природу съ ея многообразною жизнію и законами, не выполняетъ еще своего назначенія: онъ долженъ быть самъ мірошворцемъ подъ державною и охранительною рукою вѣчнаго Промысла, влагая въ вещество свою душу и запечатлѣвая его стайнспвеннымъ знаніемъ своей судьбы и Ис-

поріи. Въ возвышеннѣйшемъ нежели когда-либо смыслѣ, опть подвиговъ ума и воли пребують нынѣ существенности и жизни; для насъ драгоцѣнна полько та идея, которая пришла въ міръ, чпобы дѣйствовать, — идея во всеоружіи, чпобы принять на респалищѣ вѣнецъ Олимпійскій, идея въ явленіи и образѣ. Гдѣ пробудились сіи попребности, шамъ обширное поприще для Искусствъ. Одни спре-мятся распроспранить вліяніе челоука на физическій порядокъ вещей, и съ каждымъ днемъ мы видимъ новыя преобразования матеріи, новыя силы, вызванныя изъ богатой запасной хранины Природы для увеличенія наслажденій и могущества челоука; другія, благороднѣйшія Искусства совершають свое служеніе во имя высшихъ судебъ его. Ихъ назначеніе — олицетворять на землѣ мысль о лучшемъ, совершеннѣйшемъ бытіи вещей; въ свободномъ движеніи идеаловъ разверзаять предъ нами безпредѣльный міръ возможнаго и глубочайшія убѣжденія истины и жизни превращаять въ самую жизнь.

Весьма еспественно, чпо люди съ высокими способностями лучшую часть жизни своей посвящали исключительно изслѣдованію законовъ, по коимъ челоуческая дѣятельность dospигаетъ споль важныхъ результатовъ, — посвящали шруды свои изученію Искусствъ, особенно изящныхъ, какъ наиболѣе содѣйствующихъ возвышенію челоуческаго достоинства. Изъ сихъ послѣднихъ Литература имѣетъ обширнѣйшій кругъ дѣйствій, и пошому ей по праву принадлежала всегда большая часть Философскихъ изысканій.

Могу ли надѣясь предспавишь вамъ, Мм. Гг., въ эпомъ кругу вѣдѣнїа что-нибудь доспойное просвѣщеннаго вашего вниманїа? Для эпого надлежало бы предспать предъ васъ челоуѣку не съ моими слабыми силами. Но высшая образованность, именовъ коей освященъ для насъ день сей, зиждется усилями многихъ; инымъ принадлежишь слава расширять ея предѣлы, другимъ ввѣрено попеченїе охранять ихъ, или уравнивать пути уже извѣстные, не пролагая новыхъ. Всякій постъ въ эшой умственной іерархїи почтенъ, пошому что онъ нуженъ; а нуженъ, пошому что образованность пребуешь всестороннихъ усилїй челоуѣческаго духа. Вопъ гдѣ заключається право на мое слово къ вамъ. Мысли, копорыя буду имѣть честь предспавишь на судъ вашъ, относятся къ важному вопросу: *возможно ли благопостышное развитїе Словесности безъ теоретическаго или философскаго ея изученїа?* Не бесполезно, особенно въ нынѣшнее время, съ разныхъ споронъ подвергать изслѣдованїю эшу задачу, когда Искусство, по видимому, посягаетъ на присвоенїе себѣ безусловной свободы, а Наука робко защищаетъ свои права.

Послѣ того, какъ древнїй мїръ совершивъ свое величественное печенїе, долженъ былъ пастъ въ общую могилу челоуѣчества, на мѣстахъ, гдѣ процвѣтала онъ, явились новые люди и возсіяла новая идея жизни. Эпи люди, вмѣстѣ съ мечемъ, принесеннымъ ими на разрушенїе остатковъ прежняго общества, принесли съ собою и свою мысль, волю и свое слово. Грозное орудїе судьбы, коимъ она

поражала вѣпхій порядокъ вещей, люди сіи въ необузданныхъ порывахъ своей губящей дѣя-пельности, были заспигнуты святою властію Христіанства, копорая ихъ смирила и копорая ввѣрила имъ великое дѣло обновленія чело-вѣчества и развитія свѣжей образованности. Но физическое могущество, коимъ юное общество было создано и хранимо въ первые дни его суще-ствования, не скоро уступило высшимъ нравствен-нымъ требованіямъ; Искусство, копорое одно въ состояніи дасть симъ послѣднимъ жизнь и силу, возстановляясь медленно подъ сѣнію меча и въ заревахъ брани, не могло имѣть скоро своихъ из-бранныхъ мужей, своихъ самобытныхъ дѣлашелей. Посему неудивительно, что оно, въ первое время своего возрожденія, жило одними воспоминаніями, и въ памяшникахъ минувшаго искало себѣ и вдохно-венія и закона. Могущественное вліяніе такъ называемой Классической Словесности на Словес-ность новѣйшихъ народовъ произвело однакожъ благія послѣдствія: оно дало ей художественное направленіе, распроспранило въ ней идею *закон-ности* и опредѣлипельность формы постановило необходимымъ условіемъ ея совершенствования. Но то, что должноствовало только возбуждать и питать Новую Литературу, сдѣлалось для ней игомъ; теорія подпала тому же жребію. Возникли Школы, копорыя въ произведеніяхъ Искусства не видѣли жизни, а только вѣшнюю опдѣлку, копорыя съ мелочною заботливостію всякую идею въ Словесности призывали къ суду Аристотеля, Ци-церона, Горація и Квинтилиана. Умозрѣнія, передан-

ныя намъ Древностию, были плодомъ глубокой мудрости, все расчипавшей и все взвѣсившей въ поцребностяхъ своего вѣка и общесства, — между тѣмъ эцимъ умозрѣнїямъ хотѣли дасть силу непреложнаго кодекса для всѣхъ временъ и народовъ, хотѣли, чцобъ мощный геній новѣйшихъ временъ, гордый своею юностию и воспипываемый Христїанствомъ для необьяпныхъ намѣренїй Промысла, чцобъ эцотъ геній смиренно возложилъ на себя рабскїя цѣпи, кои опвергнуцы были уже свободнымъ генїемъ Древняго Міра. Главнїй недоспащокъ ученїй, развившихся въ эцотъ духъ, былъ во-первыхъ щотъ, чцо начала, освѣщенныя авпортрїшешомъ классической Древности, вовсе не были поддержаны изученїемъ Природы челоѣческой: нїкто не заботился повѣрять ихъ спрогимъ анализомъ послѣдней; во-вторыхъ, чцо сїи начала принимали видъ самаго упорнаго, свинцоваго догматизма. Эцотъ было уродливое смѣшенїе многихъ несообразностей: здѣсь царствовало эмпиризмъ съ прищязанїями на всеобщность и неизмѣняемость началъ, целѣная школьная поника съ подражанїемъ Природѣ и проч. Къ счастью Природа сильнѣе мудрованїй Школы. Духъ новыхъ общесствъ развертывался и мужалъ; Христїанство болѣе и болѣе очеловѣчивало народы, црїобщало ихъ великому служенїю идеѣ всемірной, пробуждая въ нихъ въ то же время глубокое сознанїе нравственныхъ силъ. Начали являться произведенїя, для коихъ закономъ служили щолько жизнь и истина — съ эцимъ вмѣстѣ надлежало возникнуть въ Литературѣ новымъ ученїямъ, кощорыя въ самомъ анализѣ силъ щво-

рящихъ начали искапть законовъ шворчествва. Но между шѣмъ какъ по общему закону всѣхъ первоначальныхъ покушеній теоріи, возникшія изъ философскихъ наблюденій, сами колебались между старыми предразсудками и современными пребываніями, распроспранился въ ученое свѣпѣ духъ новыхъ изысканій. Онъ перешагнулъ предѣлы древней и новѣйшей Европы и спросилъ у народовъ давно забытыхъ о ихъ вѣпкихъ харпіяхъ, о судьбѣ ихъ мысли и слова. Съ изумленіемъ увидѣли въ письменахъ Индійцевъ, въ сказаніяхъ сѣверныхъ варваровъ удивительныя богатствва мысли и чувства, удивительные образы и краски; горизонтъ эстетическій расширился, и новыя теоріи, основанныя на наблюденіи одной извѣстной эпохи человѣческаго образованія, снова показались неудовлетворительными.

Такъ всегда бываетъ: внезапный приливъ жизни попрысаетъ всякое ученіе; шамъ, гдѣ былъ берегъ, видяпть разлившіяся волны, и умъ, блуждая въ поглощенномъ проспранствѣ, которое онъ считалъ своимъ, съ грустной думою невольно склоняется къ печальному скептицизму. Надобно дать разлипю новыхъ силъ и новыхъ явленій войпти въ свои предѣлы; въ волнахъ жить не лѣзя — и человекъ снова устроитъ себѣ пріюпть на швердой землѣ. Мы не можемъ въ одномъ изъ величайшихъ явленій нравственнаго міра — въ Липерапурѣ, не предполагать общаго движущаго начала, всеуправляющей идеи, которая присупспвуется въ каждомъ свѣпломъ и оправдномъ порывѣ человѣческой мысли и сердца. Но вопъ важныя препяп-

співія. Сколько запрудненій представляется въ преслѣдованіи эпой идеи по всѣмъ изгибамъ нашей Природы, по всѣмъ направленіямъ жизни и ея условій! Намъ скажутъ: царство слова не есть ли царство мысли? А эшимъ царствомъ правитъ свобода измѣнчивая и бурная, вмѣсто постояннаго и строгаго закона необходимости. Ктожь уловитъ мысль человѣческую въ быспрыхъ ея превращеніяхъ, когда она по свѣспитъ едва примѣсною искрою, то, вдругъ воспламенясь, спановится пожаромъ и мечетъ зарево свое на опдаленные вѣка и Царства? И сколько поколѣній прешло на земли, каждое со своимъ взглядомъ на вещи, со своими превогами въ сердцѣ и своимъ словомъ въ устахъ! Сколько измѣненій пало на ихъ харспіи изъ глубины вѣковъ — эспихъ представителей судьбъ Божеспвенныхъ на земли, эспихъ пушеводителей Истории, коихъ завѣспъ все повергаетъ въ плѣніе и все возрождаетъ къ новой жизни! Едва успѣли вы воздвигнуть такую-то систему нравспвенныхъ соотношеній, постановитъ такой-то законъ мысли и чувства, является мѣспность со своимъ неизбѣжнымъ вліяніемъ на человѣка, время съ губиспельною и жизненосною своею силою — и спройное зданіе ума вашего падаетъ жертвою воздушныхъ преобращеній, или исчезаетъ въ быспромъ полетѣ полувѣка. На чемъ же спуть остановитъ? Изучаетъ природу человѣка не значитъ ли изучаетъ только его Историю? Не въ сей ли послѣдней заключается испинная Философія жизни и Искусства? Здѣсь, въ извясненіи опдѣльныхъ случаевъ, въ частной характеристикѣ вѣ-

ковъ, народовъ и недѣлимыхъ мы, по крайней мѣрѣ, найдемъ быль, а не грезы, и сердце, жаждущее впечатлѣній, обрѣщетъ свою пищу. Вотъ почему многіе изъ новѣйшихъ Писателей, особенно цѣнителей Липературы, стараются усвоить изученію ея характеръ исключительно историческій, отвергая всякое систематическое развитіе умозрительныхъ началъ, или же оставаясь къ нему совершенно равнодушными.

И такъ, Мм. Гг., Наука дошла до того, что рѣшилась уничтожить Науку. Разумъ бросилъ бразды правленія въ царствѣ свободы надъ одною изъ важнѣйшихъ ея областей — надъ областію мысли и слова. Мы не посылаемъ уже отважныхъ экспедицій для опысканія истока рѣки, которая напояетъ насъ живоотворными своими струями; мы будемъ плыть по ея теченію, не заботясь, куда принесутъ насъ ея волны, будемъ плыть на Воспокъ или на Западъ — все равно: ибо и тамъ и здѣсь все одно и то же безпредѣльное небо. Если въ Липературѣ цѣлыя Школы возстанутъ на испроверженіе чистыхъ и возвышенныхъ понятій о красотѣ; если Крипика, не находя обузданія со стороны общихъ и непреложныхъ истинъ Искусства, присвоитъ себѣ право выдавать личныя свои понятія за верховный законъ; если цѣлое поколѣніе сдѣлается жалкимъ игралищемъ того или другаго мелкаго и односторонняго убѣжденія, и наконецъ Искусство, въ ложномъ своемъ направленіи, вмѣсто того, чтобъ благотворить человечеству, укрощая его нравственные и политическія бури, очищая по возможности землю отъ крови и грязи,

бросить сѣмена порчи и разрушенія въ самыя нравы, по чпожь дѣлать? Намъ скажутъ, что все это есть неизбѣжное слѣдствіе историческаго хода вещей, плодъ обстоятельствъ и духа времени. Въ Искусствѣ все условно и всякій палантъ самъ себѣ законодатель. При томъ станемъ надѣяться, что найдутся люди съ благороднымъ сердцемъ и свѣплымъ умомъ, которые рѣшатся смѣло противопоставить здравыя понятія жи и заблужденіямъ. Такъ! послѣднее успѣшительно; но какія же истины призовутъ они въ свидѣтельство своей правоты? Чьимъ именемъ будутъ они дѣйствовать въ благородномъ своемъ служеніи? *Я такъ думаю, или учитель такъ сказалъ* — нѣтъ, на этошь кликъ ни чье сердце не отзовется; авторитеты пали предъ могуществомъ идеи; только она одна, какъ выраженіе вѣчнаго закона, имѣетъ побѣдительную силу укрощать бурныя страсти партій и примирять самолюбія человѣческія.

Имѣя честь говорить въ собраніи мужей споль просвѣщенныхъ, я не боюсь укорить въ нападеніи на одно изъ прекраснѣйшихъ послѣдствій современной образованности — на историческое изученіе Литературы. Воздадимъ хвалу сему направленію вѣка за драгоценный его даръ — за обращеніе философскихъ изысканій и Искусствъ на путь жизни и дѣйствительности, за рѣшительное пораженіе, нанесенное имъ школьнымъ суесловіямъ, за право гражданства возвращенное здравому смыслу въ области Науки. Но въ то же время будемъ умѣренны и оспорожны: ибо какого добра не превращали во зло неразумные его поборники, пре-

увеличивающіе правое дѣло до того, что оно становится уже неправымъ, переходя естественныя свои границы— энтузіасты, испоргающіе у всѣхъ другихъ истинъ ихъ достоинствѣ, чтобы принести его въ жертву новой идеѣ? Мы желали бы ихъ, и ихъ однихъ убѣдить, что историческое изученіе Липерапуры съ исключеніемъ всеобщихъ философскихъ началъ, не возможно и было бы пагубно. Мы спросили бы ихъ: какимъ убѣжденіемъ руководствуются они, когда хопящъ изслѣдоващъ липерапурныя произведенія разныхъ Школъ, разныхъ эпохъ и народовъ и опредѣлили ихъ достоинство? Или для нихъ нѣтъ въ произведеніяхъ сихъ эстетической стороны, а существуетъ одинъ только фактъ? — Быть не можетъ. Это значило бы торжественно сознаться въ величайшемъ варварствѣ и безвкусіи, въ посягательствѣ на совершенное ниспроверженіе Искусства. Нѣтъ, они съ воспортомъ говорятъ намъ о *красотахъ* пвореній, извлеченныхъ ими изъ забвенія, ищущъ нашего сочувствія, пребываютъ единства впечатлѣнія. Здѣсь красота мѣстная— хороша. Но почему она должна имѣть для меня какую-нибудь цѣну? Какое мнѣ дѣло до Гомера? я не Грекъ; однакожь Иліада высокое созданіе для меня, уже конечно не по одной вѣрности описаній; она высокое созданіе художественнаго гения Греціи, объявшаго мыслию своею огромное пространство жизни и умѣвшаго въ то же время овладѣть сею жизнію, очистишь ее отъ всего непозпического, внести въ нее разнообразіе, гармонію, изящество. Меня пленяетъ здѣсь не только жизнь, но и образы, какіе она приняла

на себя, и организація, и способъ, какимъ она движется и дѣйствуетъ. Это твореніе — собственность цѣлаго человѣчества, какъ созданіе, а не какъ списокъ.

Духъ человѣческой пребудеть единства: или Литература проситъ дѣло житейскихъ и мѣстныхъ нуждъ общества, и тогда должно смотрѣть на нее съ точки зрѣнія политической, исключительно нравственной и т. п., должно приводить уже и всѣ изысканія къ единству сего частнаго, эмпирическаго возрѣнія; или Литература Искусство самостоятельное, свободное, плодъ особеннаго напряженія души человѣческой: въ такомъ случаѣ надобно же допустить законъ, объемлющій эпоху удѣльный кругъ жизни, законъ общій для всѣхъ проявленій ея, точно такъ, какъ одному и тому же закону тяготѣнія мы приписываемъ вращеніе планетъ и паденіе песчинки на землѣ. Мы согласны, что жизнь человѣческаго духа такъ сложна и разнообразна въ своихъ формахъ, такъ много зависитъ отъ постороннихъ вліяній, что было бы нелѣпо, признавая въ движеніи ея причину общую и единую, не видѣть въ то же время причинъ ближайшихъ, частныхъ, которыя принадлежатъ только судьбѣ и Исторіи. Но оставимъ на минуточку видовое различіе явленій и посмотримъ на родовую ихъ Физиогномію, что также принадлежитъ къ естественнымъ и необходимымъ способамъ нашего возрѣнія на вещи: не найдемъ ли мы въ произведеніяхъ Словесности чуднаго сближенія на самыхъ противоположныхъ степеняхъ образованности? Сила, живущая ихъ, не на однихъ ли почкахъ опоры

утверждаетъся, слѣдуетъ ли и пому же закону гармоніи и сосредоточенности частей, хотя части сіи и сложились изъ другихъ элементовъ? Наконецъ, не къ одной ли цѣли спремимся эта шворящая сила вездѣ, гдѣ только она внемлетъ голосу сердца и закону ума? Опличая эпоху отъ эпохи, народность отъ народности ихъ собственнымъ характеромъ и судьбою, мы попытаемъ, какъ разные люди, при различныхъ условіяхъ, смотрѣли на жизнь и Искусство; проникая сквозь всѣ особенности до общаго сокровеннаго значенія жизни и Искусства, мы вразумляемъ въ то, чего сіи послѣдніе пребываютъ, что люди выполнили и что должны они выполнить: ибо въ области свободы конечно есть различіе между тѣмъ, что *дѣлается* и что должно *дѣлаться*. . . . Тѣ, кои опасаются вредныхъ послѣдствій рационализма, говорятъ, что философское изученіе Словесности должно быть подчинено историческому и что по этому первое тогда будетъ возможно, когда Исторія обогатитъ насъ большимъ числомъ памятниковъ и фактовъ и мы совершенно ихъ выразумѣемъ. Когда же это будетъ? одинъ изъ нашихъ Писателей сказалъ, что самую Исторію мы поймемъ хорошо только въ минушу свѣспропреспавленія: онъ правъ; но слѣдуетъ ли изъ этого, что ее не должно изучать нынѣ же? Въ какую эпоху развитія человеческого можетъ сдѣлаться излишнею потребность новыхъ опытовъ? Гдѣ люди наконецъ могутъ остановиться и сказать: «довольно! Природа и свободная дѣятельность духа не дадутъ намъ уже болѣе матеріаловъ, которые бы повлекли

за собою дополненія и измѣненія въ зданіи Науки?»
 Всякая Наука не совершенна, но величайшая заслуга ея состоитъ въ томъ, что она внушаетъ намъ священное уваженіе къ законности и хранитъ основныя истины оцъ бурнаго переселенія силъ, оцъ необузданной свободы явленій. То, что есть въ ней твердаго и непреложнаго, не служитъ къ объясненію *всего*; однакожь это почва опоры для объясненія того, что мы знаемъ можемъ. Пусть ея назначеніе будетъ только выразитъ законъ необходимости въ извѣстномъ актѣ свободы: человекъ долженъ благоговѣть предъ нею; она щитъ его противъ написка случайностей, противъ искушеній и буръ всякой современности.

Когда сомнѣніе подпочиваетъ корень основныхъ началъ, когда потрясено довѣріе къ разуму въ его стремленіяхъ и выводахъ — что тогда дѣлать въ Искусствѣ? Внимаемъ голосу одной жизни. Вотъ одно изъ началъ ученія, отвергающаго законность въ Липерапурѣ, проповѣдующаго въ ней безусловную свободу. Это начало безбрежное, какъ сама идея имъ выражаемая, темное и совсѣмъ не логическое, есть очевидный плодъ эмпиризма, отвергающаго Философію. Въ душахъ сильныхъ это родъ опчаянія, копорымъ мспяетъ онѣ обманчивости теорій; въ душахъ нечислыхъ это поводъ дѣлать все по произволу, а отвѣтственность за послѣдствія возлагать на судьбу, на духъ времени и проч. Не видимъ ли мы на дѣлѣ горькихъ плодовъ этихъ печальныхъ полуубѣжденій, этого проповѣдничкаго духа, копорый ищетъ мѣрила всему въ себѣ, т. е. въ своихъ спрасняхъ, или въ жал-

комъ равнодушїи, опть пресыщенїа ими? Чшо дѣлаешъ большая часть Писателей, поглощенныхъ жизнью, а не возвысившихся надъ нею, преданныхъ текучимъ прельщенїямъ и заботамъ дня? Чшо дѣлають даже истинные таланты? Бодрствують ли они на спржаѣ Искусства? блудусть ли они священный путь къ Капитолїю опть оскверненїа сапурнальныхъ игрищъ? Они живусть, или лучше сказасть, спѣшасть изжипь себя въ наспоющемъ; современность заслонила предъ ними попомспво; высокія потребности и права души брошены ими къ ногамъ своенравной моды, копорая пребуешъ сего для кровавыхъ игрищъ Римской арены, а завпра будесть просипь малодушныхъ слезь опть пресыщенїа дикимъ хохопомъ. И эпи жрецы, обреченные высокому служенїю, совлекшись своихъ багряницъ, бросили храмы боговъ своихъ и ринулись на площадь раздѣляшь съ полпою ея шумныя волненїа или ея мелкія спраспи. Взоръ ихъ не проспираешъ въ грядущее — какъ будшо Провидѣнїе предало свою прекрасную вселенную, свое возлюбленное челоуѣчеспво во влассть одного вѣка, какъ будшо закапъ солнца на вечери сего дня не общаешъ зари для грядущаго, и все преидешъ, потому чшо мы сами преидемъ? И вопъ изъ сего наспроенїа умовъ, споль пропивнаго художеспвенному усовершенїю Литературы возникаешъ духъ односторонняго эгоизма, копорый на школьномъ языкѣ называють субъективностїю, опличающій большую часть современныхъ произведенїй. Драмы нѣпшъ, драмы, копорая служишь выраженїемъ полныхъ, созрѣвшихъ и бодрыхъ силъ Генїа-мужа; ее

99567

усиливаются создать: ибо чувствуютъ, что ее не достаешь для достоинства и славы вѣка; но немощныя усилія порождаютъ одинъ Лиризмъ, изблѣжающій дѣтскую удобоприемлемость впечатлѣній, или философское пуспословіе, широкое умствование на часъ и случай. Такъ вездѣ пробирается мелкое желаніе выславить себя на всемірное зрѣлище, разсыпавъ сегодня предъ полною жаркія впечатлѣнія вчерашняго дня. Здѣсь блестятъ разноцвѣтные огни спраспей, возжигающіеся поминутно въ безопасныхъ приязнаніяхъ сердца и гаснущіе съ дымомъ и чадомъ въ атмосферѣ общественныхъ превогъ и сплешней; здѣсь *жизнь*, какъ нынѣ говоривъ въ модѣ, мы прибавимъ: но нѣтъ созданія, гдѣ жизнь была бы воздѣлана и успроена по разуму. Философія Искусства, или, что одно и то же, здравый смыслъ говоривъ, что органическая опредѣлительность формы есть необходимое условіе изящнаго произведенія, что въ основномъ понятіи о ней надобно согласоваться съ Природою, которая не иначе достигнетъ цѣлей жизни, какъ приводя въ движеніе силы по опредѣленной идеѣ, спрогому размѣру и соотношеніямъ. Для насъ нѣтъ другаго способа шворивъ въ Искусствѣ. Удалимся ли мы на семь пути опъ Природы? Мы будемъ какъ дѣти, какъ школьники, рисовать одни головы, глаза, чертивъ одни круги и линіи. Но на что же въ произведеніи органическая цѣлостъ, разнообразіе въ единствѣ? Можно мысли какъ-нибудь набросивъ на бумагу, не давая себѣ опчета ни въ границахъ, за кои онѣ не должны проспираться въ своемъ печеніи, ни въ пу-

шяхъ , коими должны достигать предположенной
 цѣли, если только нужно ее имѣть: вдохновенію
 все позволено. Въ духѣ эпои Школы можно гово-
 ришь такъ посвящаемымъ въ таинства Искусства:
 сверкнула ли у васъ случайно мысль — бросайте ее
 смѣло на бумагу, но не думайте болѣе. Надобно
 только бытъ хорошо расположену — вопъ главное
 дѣло. Надобно разгорячить голову, надобно вски-
 пивши спраши, надобно прійти въ неистовство
 Платона: тогда въ головѣ вашей начнется удиви-
 тельное броженіе — истинный признакъ гениально-
 сти. Кидайте, скорѣе кидайте эпои бредъ на
 бумагу: шупъ будетъ все свѣжо, неподдѣльно,
 оригинально. Ваши мысли движущія неспроиными
 толпами, подобно варварскимъ племенамъ въ эпоху
 кроваваго переселенія народовъ? что нужды —
 эпо-то и есть жизнь. Куда онѣ идутъ? Зачѣмъ?
 Гдѣ оспановятся? Гдѣ ихъ вождь? соспавяпъ ли
 онѣ спройное общество, или будутъ ссориться
 и шерзашъ другъ друга? Кому и какое до этого
 дѣло? Можетъ бытъ, онѣ сами устроятся безъ
 державной руководящей мудрости, случай прими-
 ритъ противорѣчія, устанавитъ порядокъ. А если
 и нѣтъ, то что за бѣда! Эпои самый хаосъ
 будетъ признанъ швореніемъ Генія немножко свое-
 нравнаго, но — упошребимъ модныя сравненія —
 могучаго какъ рокъ, глубокаго какъ бездны океана,
 таинственнаго какъ вѣчность, наконецъ грознаго
 какъ истинный беспорядокъ. Эпои хаосъ по-
 потребуеть себѣ еще почешнаго мѣсна въ теоріи
 Искусства; онѣ проложитъ себѣ дорогу поварвар-
 ски, ш. е. силою и разрушеніемъ. Найдутся люди,

которыя составляютъ даже изъ этого законъ въ Литературѣ, докажутъ, что сіе совершенное опускание разсудка, эта нелѣпая случайность въ движеніяхъ разгоряченной головы — суть опускание въ Искусствѣ, пошому что истинное правило жизни: *все должно быть такъ, какъ бываетъ*. Критика совѣспливая припишетъ все это мощному вліянію обспояпельствъ, спанетъ изъяснятъ это бурнымъ и необычнымъ ходомъ идей вѣка. Не эшимъ ли причинамъ должны мы приписать и недоспапокъ великихъ характеровъ на поприщѣ жизни и Искусства, характеровъ, которыя бы въ современной игрѣ случаевъ могли за человѣчество положить на вѣсы нѣсколько спрогихъ убѣжденій и нѣсколько нравственнаго могущества? Положеніе наше было бы очень печально, если бы это было такъ: ибо Искусства такимъ образомъ были бы лишены природныхъ своихъ покровителей и мелочность въ Литературѣ сдѣлалась бы зломъ уже неисдѣлимымъ.

Такъ, Мм. Гг., Литература можетъ подчиниться своевольству спраспей и необузданности Фантазіи, если для нея не будетъ другаго закона, кромѣ возбужденій, какія почерпаемъ мы въ спревозной игрѣ окружающихъ насъ вещей и обспояпельствъ, если никакое высшее начало не освятитъ ея начинаній и не будетъ управлять ея путями. Пусть пребудетъ она въ союзѣ съ жизнью; но благошворная власть ея надъ сердцемъ человѣческимъ должна проистекать изъ того, что царствуетъ надъ жизнью — изъ вѣчныхъ, всеобщихъ пошребностей и законовъ мысли и сердца. Гдѣ же

Литература обрѣщетъ эту мощь, одну ея до-
спойную, какъ не въ Наукѣ? и что же естъ истин-
ная Наука, какъ не соединеніе умозрѣнія и опыта,
Философіи съ Исторіей? Въ идеѣ человѣчества,
въ высшихъ потребностяхъ духа лежатъ первое
сѣмя Искусства, въ эгихъ таинственныхъ глуби-
нахъ должна возникнуть и теорія его и отсюда
пройди по всѣмъ историческимъ путямъ, по всѣмъ
направленіямъ творящаго генія среди подвиговъ
дѣйствительно имъ совершенныхъ. Первымъ пло-
домъ этого способа изслѣдованія будетъ устано-
вленіе для Литературы определенныхъ границъ,
опредѣленіе ея отъ всѣхъ другихъ явленій чело-
вѣческой дѣятельности; мы признаемъ ее въ санѣ Ис-
кусства свободнаго и самостоятельнаго, которое
въ своемъ развитіи идетъ путемъ твердымъ и
вѣрнымъ, потому что идетъ къ цѣли определен-
ной—къ проявленію *изящнаго* въ словѣ. Идея изящ-
наго, воздѣланіе коей и живоисвореніе ввѣрено че-
ловѣческой природѣ, какъ залогъ ея просвѣщенія
на землѣ, эта идея, подобно средоточной силѣ, въ
явленіи Литературы подчинитъ своему вліянію и
озаритъ ихъ небеснымъ своимъ свѣтомъ. Сколь
ни различны духъ и содержаніе того, что удовле-
творяетъ эстетической нашей потребности, но
Наука философски можетъ объяснить общій ха-
рактеръ изящнаго произведенія — и это одна изъ
важнѣйшихъ задачъ, подлежащихъ ея рѣшенію.
Изящнымъ произведеніемъ она называется то, гдѣ
разлиха идея жизни полной, совершеннѣйшей —
жизни, которая сама себѣ цѣль и которая, отно-
сясь къ какой-нибудь сторонѣ Природы или духа,

служить для насъ въ то же время представителемъ сей стороны, ея идеаломъ, первообразомъ. Представленія о совершенствѣ жизни на всѣхъ степеняхъ ея развитія суть достояніе человѣческаго духа, который изъ среды эмпирическаго боженія силъ и вещей всегда силится спастись на высоту недоступную имъ и обнять жизнь, какъ жизнь, безъ всякихъ поспороннихъ ограниченій и назначеній; онъ осуществляетъ эти представленія въ свободныхъ созданіяхъ Искусства; онъ творецъ, потому что общее и безконечное умѣетъ осуществить въ опредѣленномъ явленіи, конечномъ и индивидуальномъ. Это значитъ быть властителемъ жизни, распорядителемъ ея, Художникомъ. Такое овеществленіе того, что по видимому непрерывно изторгается изъ круга всякихъ земныхъ условій, происходитъ не иначе, какъ по строгому закону — по закону живой организаціи, а образецъ ея есть Природа. Здѣсь Природа, какъ я имѣлъ честь выше замѣтить, служить намъ единственнымъ путеводителемъ, и Наука только спарается согласить человѣческіе виды ея съ требованіями. Мы можемъ творить многое, чего нѣтъ въ Природѣ, но не иначе, какъ по тѣмъ законамъ, по какимъ она поступала бы на нашемъ мѣстѣ въ подобныхъ случаяхъ: ибо, осуществляя свои идеи, мы беремъ отъ нея пространство и время, матерію, краски, факты, лица, — мы входимъ въ ея царство, слѣдовательно должны повиноваться ея законамъ. Вотъ почему въ изящномъ произведеніи соединяются два элемента — идеальное и дѣйствительное, духъ и плоть, небесное и земное, словомъ, здѣсь

соединяюща законъ свободы и законъ необходимости. Можешь бышь, одно Искусство, и въ особенностяхи Литературы, имѣешь власшь примиряшь сіи противоположныя спороны жизни. Сколько бы ни спорили о разностяхъ изящнаго, но то вѣрно, что болѣе изящества открываесться для чловека тамъ, гдѣ болѣе развито идеальной жизни и гдѣ болѣе дано ей опредѣлительности, индивидуальности формы. Всякое произведение Литературы, гдѣ эти преребования вовсе вышущены изъ виду, будеть просто памятникомъ нравовъ, полишки, законодапельства, памятникомъ высокой цѣны для чловечества, только не произведениемъ Искусства, не плодомъ свободного творчества. Развитие сихъ основныхъ понятий, М. Г., и приложение ихъ къ различнымъ формамъ литературныхъ произведений, преребуесть глубокаго изучения чловеческой природы, преребуесть, вмѣстѣ съ тѣмъ, яснаго и возвышеннаго взгляда на жизнь и судьбу чловека; учение, воздвигнутое на сихъ началахъ, конечно не можешь бышь легкою добычею всякаго любителя Литературы, который съ гордостью богача ищетъ только наслаждений, ни мало не думая объ экономіи Природы или труда, доставившихъ ему эти наслаждения.

Но мы изобразили не весь еще подвигъ теоріи Словесности. Съ высоты общихъ идей она сходить въ область различныхъ условий мѣста, времени и національныхъ потребностей, гдѣ ея задачи получають всю важность истины и всю занимательность жизни. Здѣсь она встрѣчаесться съ Исторіей и ихъ союзъ довершаесть великое дѣло

литературнаго образованія. Но да не подумаютьъ, что Философія подаешь дружественную руку своей сестрѣ, успѣвъ уже соспавить себѣ правила, и, можешь бышь, соспарѣшься въ нихъ. Нѣтъ, она идешь съ ней объ руку по пути жизни, воспишываенся при ея глазахъ, сколько же гошова пріяняшь опѣ нея совѣты, сколько сообщишь ей свои возвышенныя, общіе виды. Вотъ почему Наука Словесности должна у каждаго народа образовашь въ его духѣ, получишь оппечатокъ особеннаго его возрѣнія на одинъ и шопъ же предметъ челошечества. Мы разумѣемъ здѣсь языкъ, народныя нравы и мѣстность, которые дѣлають для него возможнымъ такія краски и формы, какія другимъ будущъ совершенно чужды.

Нужно ли послѣ этого, Мм. Гг., доказываешь, сколько можешь бышь благодѣтельно философское изученіе Литературы тамъ, гдѣ она вошла уже въ соспавъ необходимыхъ пошребностей народа, гдѣ могущественная сила ея направляетъ умы и возбуждаетъ сердца? Генію она не предписываетъ законовъ, не внушаетъ шворческихъ помышлений; однакожь именемъ челошечества и Природы возлагаетъ на него долгъ не измѣняшь верховнымъ ихъ шребованіямъ. Геній уже собственнымъ своимъ саномъ призываетъ къ шому — онъ предшавитель Природы и челошечества; однакожь онъ не слѣпое орудіе ихъ. Развѣ онъ не можешь упошребишь во зло своей свободы? Тогда Наука можешь уполномочить крипику еказашъ ему: «ты совершилъ великіе подвиги; но будь справедливъ. Не шребуи, чшобъ люди пріяли опѣ тебя швой

нехудожественныя понозновенія съ такою же любовію, какъ они приняли изъ успѣ своихъ словочислой красотою и упѣшенія. Пусть сохраняютъ они для попомства изъ своихъ твореній только то, что достойно себя и ихъ.» — Гдѣ же путь цѣпи, о которыхъ вопіютъ литературные демагоги? Гдѣ посягательство на права и призваніе Генія? Истинный Геній не имѣетъ безумія думать, что онъ выше человечества; онъ не попираетъ законовъ: бунтуетъ одна только чернь.

Съ другой стороны общество не можетъ быть равнодушнымъ къ ходу и направленію Искусства, не можетъ предать его въ жертву слѣпому произволу и ложныхъ понятій; оно должно имѣть нравственное ручательство, что Литература, удовлетворяя одной изъ важнѣйшихъ его потребностей, не употребляетъ во зло своей власти и вѣрна своему эстетическому призванію. Это ручательство даетъ только Наука. Она свободна отъ духа Школы и касти; она внимаетъ одному разуму и Природѣ; охраняя святыню вкуса отъ оскверненія нечислой мысли и нечислыхъ успѣ, она приготовляетъ въ юномъ поколѣніи благомыслящихъ цѣнителей всякаго литературнаго явленія, и когда Кришика во дни превожнаго состоянія вкуса должна ополчиться противъ заблужденій его, тогда Наука благословляетъ ее на святую брань и облакая ее въ доспѣхи правды, приготовляетъ ей побѣду честную и торжество законное.

Таковы услуги, которыхъ можетъ Философія Словесности оказать Искусству и образованности;

но для этого надобно ей самой совлечься вѣпхія одежды, оставивъ темную хранину Школы и занявъ приличное ей мѣсто среди людей, коихъ она поучасть призвана; она должна прежде всего отка-заться отъ нелѣпыхъ припязаній суроваго и односпоронняго догматизма, копорый ея именемъ возлагалъ цѣпи на талантъ, уча его мыслишь и изобрѣшасть, а бездарности обѣщая успѣхъ за одну рабскую покорность его ученію. Пищею ея и богатствомъ да будущъ не пустыя опвлеченно-спи, но великія явленія и силы жизни. Будетъ ли говоришь она о словѣ? Пусть не однѣ мертвыя формы грамматическія исходяшь изъ успѣ ея; пусть по ея мощному воззванію возстанетъ жизнь народная со всѣми эпохами своего измѣненія, со всѣми своими оппѣнками и пусть она сама пове-детъ учащагося по всѣмъ извивамъ языка для ураз-умѣнія его духа, силы и богатства. Спанетъ ли она изьясняшь законъ липературныхъ формъ— да не кладетъ она предательски геніального шворенія на Прокрустово ложе и да судитъ о соразмѣрно-сти и спройности часпей по опношенію къ идеѣ, а не по мертвому слѣнку, соспавленному издавна для школьнаго упопреленія. Еще: да будетъ она проста, не широко-вѣщательна; да процвѣтетъ лице ея здравіемъ и обиліемъ жизненныхъ силъ, а не прикрасами риторизма, всегда поддѣльнаго, не величавостію ложнаго глубокомыслія, придающаго ей нееспешвенный взоръ всевѣднія и харак-перъ шаинстввенный. Къ сожалѣнію, ей случается заходить въ Школу, гдѣ поскупающъ съ ней не-доспойно высокаго ея сана и откуда выходитъ

она нерѣдко въ шакой одеждѣ, копорая пугаетъ и смѣшитъ не одну толпу. Надобно, чпобы она опказалась на всегда опъ напыщенности въ дѣлѣ и словѣ, чпобы она говорила языкомъ важнымъ безъ педантизма, изящнымъ безъ ребяческаго суетловія, у Германцевъ языкомъ Германскимъ, у насъ Русскимъ, и наконецъ, чпобы она, по слову великаго Платона, не забывала приносить жертву Граціямъ. Мм. Гг.! да не будетъ сочтена преувеличенною мысль, копорую сей часъ осмѣлюсь изложитъ предъ вами: я думаю, что Наука Словесности въ шакомъ духѣ у насъ легче образованья, чѣмъ гдѣ-либо. У насъ нѣтъ *своихъ* ученыхъ и школьныхъ предразсудковъ, какъ, съ копорыми борьба запрудняла бы успѣхи истины. Правда, эти предразсудки впоргаются къ намъ извнѣ; но благодареніе народному генію, они волнуютъ только поверхность нашихъ умовъ, не воздымая песку и камней со дна. Предъ нами великія истины человечества, великіе вопросы жизни, копорыхъ мы не испостили еще и копорые можемъ начать разрабатывать съ однимъ шеплымъ желаніемъ добра, безъ шякаго и кроваваго опыта спрасшей, вспрѣшившаго другихъ на семь пущи. Мы не переучиваемся, а учимся должны, а это важная выгода. Наука содѣлается собственностью великаго народа, копорый предназначенъ удивитъ вселенную столько же успѣхами мирной гражданственности, сколько и блескомъ побѣдъ. Мы безъ щеславія можемъ сказать это предъ судомъ народовъ и попомства, указывая имъ на то, что сдѣлано уже нашими свѣжими силами, подъ руко-

водспвомъ державныхъ нашихъ Пупеводипелей къ образованности и славъ. Характеръ своеобразія и характеръ народности освящипъ и наши умозрѣнія; ихъ поймепъ Русскій умъ, попому чпо они будупъ наше пріобрѣшеніе. И не видимъ ли мы уже начапковъ сего благошворнаго направленія съ шѣхъ поръ, какъ мужъ ума Государспвеннаго и образованности высокой, въ кругу ученой дѣяшельности, нашимъ порывамъ къ народности даль силу швердаго сознанія? Спранно было бы пребавать, чшобы эшо великое дѣло совершено было усиліями одного поколѣнія, или духомъ одной эпохи; но кшо съ чувспвомъ напріопической гордости не положипъ камня въ основу зданія, кошорое должно служишъ величайшимъ памяшникомъ народной славы?

Перепина.
1950

С 1767

С176Гу

7

С 17677